

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

Канун
Рождества

Магистраль. Коллекция

Люси Мод Монтгомери

Канун Рождества

«ЭКСМО»

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Монтгомери Л.

Канун Рождества / Л. Монтгомери — «Эксмо», — (Магистраль. Коллекция)

ISBN 978-5-04-256363-8

Впервые на русском языке! От автора «Энн из Зелёных Мезонинов». Рождество у Люси Мод Монтгомери — это не только заснеженные дороги, огонь в камине и подарки под ёлкой. Это время, когда особенно ясно видно главное: любовь, доброта и внимание к другому человеку способны согреть даже в самый холодный зимний день. Герои этих историй не всегда могут позволить себе дорогие подарки и пышные праздники. Но дети из большой и небогатой семьи Джозефов мастерят сюрпризы друг для друга, девушки устраивают рождественское чудо для одинокой мисс Аллен, а случайные путники, оказавшиеся в доме гостеприимных фермеров, сами становятся тайными помощниками Санта-Клауса. Здесь подарок — это не обязательно вещь: им могут стать забота, прощение, дружба, письмо, отданное другому пирожное или поступок, на который требуется настоящее мужество. В сборник вошли рождественские рассказы Люси Мод Монтгомери, впервые переведённые на русский язык, а также праздничные главы из её романов «Энн из Зелёных Мезонинов», «Лазоревый замок» и «Джейн из Лантерн-Хилл». Вместе они создают особый мир — уютный, живой и немного старомодный, где даже маленькое доброе дело способно изменить чью-то судьбу, а настоящее рождественское чудо рождается из человеческого сердца.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-256363-8

© Монтгомери Л.

© Эксмо

Содержание

Подарки Клоринды	7
Новый год для Берти	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Люси Мод Монтгомери

Канун Рождества

L. M. Montgomery
The Complete Christmas Stories

Перевод с английского *Анны Захаровой* и *Елизаветы Столповской*
Литературный редактор *Анна Матвеева*

© Захарова А., перевод на русский язык, примечания, 2026
© Столповская Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Подарки Клоринды

– Ужасно быть бедным за две недели до Рождества, – Клоринда издала вздох, вобравший в себя скорбь всех её семнадцати лет.

Тётя Эмми улыбнулась. Тёте Эмми недавно исполнилось шестьдесят, и если она не лежала в кровати, то чаще всего проводила время на диване или в инвалидном кресле. Но тётя Эмми не вздыхала.

– Полагаю, хуже, чем в любое другое время, – согласилась она.

Этим тётя Эмми отличалась от остальных. Она всегда всё понимала и сочувствовала.

– Я даже не бедна... я разорена, – меланхолично протянула Клоринда. – Та лихорадка летом и врачебные счета, по которым пришлось заплатить, начисто опустошили мой кошелек. Мне не на что покупать подарки. Я бы так хотела подарить хоть что-то близким. Но мне это не по карману... вот ужасная, гадкая правда.

Клоринда снова вздохнула.

– Купленные подарки – не единственные, которые мы можем дарить, – мягко проговорила тётя Эмми, – и далеко не лучшие.

– О, конечно, лучше подарить что-то сделанное своими руками, – не стала спорить Клоринда. – Но материалы для хороших изделий тоже требуют денег. Поэтому даже такие подарки я не беру в расчёт.

– Я не это имела в виду, – покачала головой тётя Эмми.

– Но что тогда? – озадаченно спросила Клоринда.

Тётя Эмми улыбнулась.

– Попробуй догадаться сама, – отозвалась она. – Так будет лучше, чем если я объясню. К тому же не думаю, что я *могу* объяснить. Возьми в помощь прекрасную строчку прекрасной поэмы¹: «Дар без дарителя – пуст».

– Я бы, скорее, сказала: «Даритель без дара – пуст», – скривилась Клоринда. – И в этом моя беда. Что ж, остаётся надеяться, что на следующее Рождество я не буду таким банкротом. С февраля я начинаю работать в магазине мистера Каллендера. Он предложил мне место.

– Разве твоя тётушка не станет по тебе тосковать? – серьёзно спросила тётя Эмми.

Клоринда покраснела. Какая-то нотка в тётином голосе задела её за живое.

– Да, вполне может быть, – поспешно отозвалась девушка. – Но она очень быстро привыкнет. И я буду приезжать домой каждую субботу. Я страшно устала от бедности, тётя Эмми, и раз мне предоставился шанс самой зарабатывать, не хочется его терять. Так я смогу помочь и тёте Мэри. Мне обещано четыре доллара в неделю.

– Сдаётся мне, она предпочла бы твоё общество, а не зарплату, Клоринда, – заметила тётя Эмми. – Но тебе, конечно, стоит решить самой, дорогая. Быть бедным действительно не просто. Уж я-то знаю. Я и сама бедна.

– Бедна! Вы? – воскликнула Клоринда, целуя её. – Я не знаю женщины богаче вас, тётя Эмми – вы богаты любовью, добротой и умением видеть лучшее.

– Как и ты, милая... ты богата молодостью, здоровьем, счастьем и честолюбием. Разве это ничего не стоит?

– Конечно, – рассмеялась Клоринда. – Только подарки на них, увы, не купишь.

– А ты пробовала? – поинтересовалась тётя Эмми. – Подумай ещё и над этим, Клоринда.

– Мне пора прощаться и бежать домой. Я чувствую себя лучше – вы всегда помогаете людям почувствовать себя лучше, тётя Эмми. Какая серость на улице! Скорей бы выпал снег.

¹ Поэма Джеймса Расселла Лоуэлла (1819–1891) «Видение сэра Лонфала» (англ. The Vision of Sir Launfal).

Разве не здорово было бы встретить белое Рождество? А то у нас все декабри тускло-коричневые.

Клоринда жила напротив тёти Эмми, в маленьком белом домике за раскидистыми ивами. С ней жила тётя Мэри – единственная родственница Клоринды, ведь тётя Эмми на самом деле не приходилась ей тёткой. Клоринда жила с тётей Мэри, сколько себя помнила.

Клоринда добралась до дома и поднялась в свою маленькую комнатку под козырьком крыши, где прямо напротив окна раскинулись голые ивовые ветви. Она думала о словах тёти Эмми – о рождественских подарках и дарении.

«Никак не возьму в толк, что она имела в виду, – размышляла Клоринда. – Хорошо бы понять, если это мне хоть немного поможет. Нужно приготовить подарки хотя бы для некоторых друзей. Например, мисс Митчелл... она заботилась обо мне весь год и помогала с учёбой. И миссис Мартин из Манитобы. Вот бы отправить ей что-нибудь! Ей, должно быть, одиноко. И, конечно, сама тётя Эмми. И бедная пожилая тётушка Китти в конце переулка. И тётя Мэри, и – да, Флоренс тоже, пусть она повела себя со мной так некрасиво. Я уже не смогу относиться к ней по-прежнему. Но она дарила мне подарок на прошлое Рождество, поэтому хотя бы из вежливости я должна ответить тем же».

Клоринда вдруг оборвала саму себя. Она осознала, что не произнесла бы подобную фразу при тёте Эмми. Значит, что-то в ней не так. Клоринда уже давно заметила эту закономерность: во фразах, которые не хотелось говорить при тёте Эмми, всегда оказывалось нечто нехорошее. Так что на этом она закончила свои размышления.

Четыре дня и три вечера озадаченная Клоринда раздумывала над смыслом слов тёти Эмми. И вдруг разом поняла. Даже если тётя имела в виду что-то другое, у её слов был свой собственный отличный смысл, становившийся всё отчётливее и глубже с течением дней, хотя поначалу Клоринда морщилась от выводов, к которым приходила.

– Я решила проблему с рождественскими подарками, – сообщила она тёте Эмми. – Мне всё-таки есть что дарить, и даже очень дорогое. То есть подарки будут мне многого стоить, но, расплатившись, я стану только богаче. Мистер Грирсон назвал бы это парадоксом. Я всё расскажу на Рождество.

На Рождество Клоринда зашла к тёте Эмми. Снег не выпал, и рождественский день всё-таки выдался тускло-коричневым. Но Клоринду это не печалило. Сердце пело, и ей казалось, что не может быть более чудесного Рождества.

Она положила странный угловатый свёрток на кухонный пол и прошла в гостиную. Тётя Эмми лежала на диване у камина, и Клоринда опустилась рядом.

– Я пришла рассказать вам о подарках, – улыбнулась она.

Тётя Эмми погладила руку, пожимавшую её ладони.

– Судя по твоему лицу, милая девочка, это будет приятный рассказ, – сказала она.

Клоринда кивнула.

– Тётя Эмми, я днями напролёт думала о ваших словах... пока у меня не начинала кружиться голова. И вдруг в один вечер я безо всяких раздумий поняла: мне есть что подарить. И каждый день мне в голову приходила новая и новая мысль. Поначалу мне казалось, что я не смогу подарить некоторые вещи, и тогда я поняла, какая я эгоистка. Я была готова потратить любую сумму на подарки, если бы она имелась, но не хотела тратить то, чем уже обладала. Но я переросла это, тётя Эмми. Сейчас я расскажу вам о моих подарках.

Для начала – моя учительница, мисс Митчелл. Я подарила ей одну из папиных книг. У меня их много, поэтому не придётся жалеть, и всё же я выбрала любимую: мне показалось, что любовь сделает её ценнее. Точнее, я поняла это немного погодя. Поначалу, тётя Эмми, мне казалось стыдным дарить потрёпанную старую книгу, много раз читанную, и с папиными карандашными пометками на полях. Я боялась, что она сочтёт странным такой подарок. И всё-таки подумала: а не лучше ли эта старая книга, которую любил мой отец и которую люблю я,

какой-то новенькой вещицы? Я подарила её мисс Митчелл, и она поняла. Кажется, истинный смысл подарка её очень тронул. Она сказала, что это как получить дар из чьего-то сердца.

Потом – миссис Мартин... в прошлом году она ещё была мисс Хоуп – моя чудесная учительница воскресной школы. Она вышла замуж за миссионера, и теперь они живут в каком-то пустынном местечке на западе. Я написала ей письмо. Но нет, боже мой, конечно, это не было обычное письмо. Я писала его целый день, и видели бы вы глаза почтовой служащей, когда я его посылала. В нём описано всё, что случилось в Гринвэйле с тех пор, как она уехала, и я постаралась сделать его как можно более весёлым, насыщенным событиями и полным любви. Я включила в него всё самое яркое и смешное, что только вспомнила.

Следующей была тётушка Китти. Вы ведь знаете, она ухаживала за мной, когда я была ребёнком, и очень меня любит. Тётя Эмми, мне стыдно в этом признаваться, но тётушка Китти, мягко говоря, никогда не казалась мне интересной. Она всегда радуется моим визитам, но я всячески стараюсь от них увильнуть. Старушка почти ничего не слышит, говорит глупости и с трудом соображает. Я подарила ей день. Вчера я взяла с собой вязанье и провела целый день в разговорах с ней. Рассказала ей все гринвэйльские новости, сплетни – всё, что ей хотелось бы услышать. Она была так счастлива и горда. Перед моим уходом она призналась, что годами так хорошо не проводила время.

И наконец... Флоренс. Мы близко дружили до прошлого года, пока Флоренс не рассказала Роуз Ватсон мой секрет. Я всё узнала, и меня это так задело. Я не могла простить Флоренс, и сказала ей, что больше не смогу по-настоящему с ней дружить. Флоренс чувствовала себя ужасно, поскольку я была ей очень дорога, и просила простить её, но мне казалось, что я не в силах. Поэтому мой подарок ей, тётя Эмми... это моё прощение. Вчера вечером я зашла к ней, мы обнялись, и я сказала, что люблю её по-прежнему и снова хочу стать ей близкой подругой.

А подарок тёте Мэри я подарила сегодня утром. Сказала ей, что не поеду в Мюррейбридж и останусь с ней. Она так обрадовалась – и я тоже, теперь, когда всё окончательно решено.

– Твои подарки – настоящие дары, Клоринда, – одобрительно проговорила тётя Эмми. – Что-то твоё, твои лучшие черты попали в каждый из них.

Клоринда вышла в кухню и вернулась со свёртком.

– Я не забыла и о вас, тётя Эмми, – сказала она, разворачивая бумагу.

Внутри оказался розовый куст: собственный любимый куст Клоринды, усеянный белыми душистыми цветами.

Тётя Эмми души не чаяла в цветах. Она приподняла бутон одной из роз и поцеловала его.

– Такой же нежный, как ты, милое дитя, – с любовью произнесла она. – Он будет радовать меня на протяжении всех сиротливых зимних дней. Ты открыла лучший смысл рождественских подарков, не правда ли, дорогая?

– Да, благодаря вам, тётя Эмми, – мягко отозвалась Клоринда.

Новый год для Берти

Он стоял на покосившемся пороге, глядя на заснеженный мир, со сцепленными за спиной руками и задумчивым, обеспокоенным выражением на лице. Дверь позади него резко распахнулась, и из-за неё появилась хмурая женщина с тазом воды для мытья посуды.

– Ты ещё здесь, Берт? – грубовато спросила она. – Чего ради ты здесь околачиваешься?

– Ещё рано, – живо отозвался Берт. – Я подумал, может, будет проезжать Джордж Фрейзер и подвезёт меня до самого магазина.

– В жизни не видала такого лентяя! Неудивительно, что старик Сэмпсон не собирается держать тебя дольше праздников. Господи, успокоить бы наконец этого мальчишку! – воскликнула она, когда из кухни донёсся жалобный плач.

– Что такое с Уильямом Джоном? – поинтересовался Берти.

– Он хочет пойти кататься с горки вместе с мальчишками Робинсонов, но не может. У него даже варежек нет, будет снова помирать от простуды, – отозвалась она таким тоном, будто Уильям Джон однажды действительно умер от простуды.

Берти задумчиво посмотрел на свои старые, тщательно заштопанные варежки. Стоял мороз, а ему предстояло целый день бегать с поручениями. Он поёжился и посмотрел на тётину суровое лицо, не предвещавшее ничего хорошего несчастному Уильяму Джону. Тут он снял варежки и протянул их тёте.

– Вот, пусть возьмёт мои. Я и без них не пропаду.

– Чепуха! – заявила миссис Росс, но уже чуть мягче. – Ты себе все пальцы отморозишь. Не будь дураком.

– Ничего, – настаивал Берти. – Они мне... не очень нужны. А Уильям Джон редко выбирается из дома.

Он сунул варежки в тётину руку и пустился бежать по дороге, точно боялся, что морозный воздух заставит его передумать. В тот день ему не раз приходилось останавливаться, чтобы подышать на посиневшие пальцы. И всё же он не жалел, что оставил варежки Уильяму Джону – бедному, бледному, болезненному Уильяму, на чью долю так редко выпадали удовольствия.

Солнце уже клонилось к закату, когда Берти доставил гору посылок к порогу превосходного дома доктора Форбса. Он стоял спиной к большому эркерному окну и пытался отогреть руки, поэтому не увидел два детских личика сквозь заиндевшее стекло.

– Посмотри только на этого несчастного мальчика, Эми, – покачала головой девочка повыше. – Мне кажется, он продрог до костей. Почему Кэролайн не спешит открыть ему дверь?

– Она идёт, – отозвалась Эми. – Эди, может, упросим её разрешить ему войти и согреться? Бедненький.

Сёстры выбежали в коридор, где экономка забирала у Берти свёртки.

– Кэролайн, – застенчиво прошептала Эдит, – пожалуйста, предложи бедному мальчику войти и согреться – он выглядит таким замёрзшим.

– Уверяю вас, он ещё и не к такому привык, – нетерпеливо отозвалась экономка. – Ничего с ним не случится.

– Но сейчас рождественская неделя, – со значением проговорила Эдит, – когда мама ещё была с нами, она говорила, что в это время особенно важно быть внимательным к тем, кто менее счастлив или богат.

Возможно, упоминание их матери смягчило Кэролайн, поскольку она повернулась к Берти и достаточно доброжелательно предложила:

– Заходи, погрейся. Сегодня холодно.

Берти смущённо проследовал за ней на кухню.

– Садись к огню, – предложила она, подвигая стул, а Эдит и Эми подошли с другой стороны, наблюдая за ним с дружелюбным интересом.

– Как тебя зовут? – спросила Кэролайн.

– Роберт Росс, мэм.

– А, так ты племянник миссис Росс, – кивнула Кэролайн, разбивая яйца в миску и ловко их взбивая. – И сейчас ты работаешь посыльным у Сэмпсона? Боже святой, – воскликнула она, когда мальчик протянул к огню посиневшие руки, – где твои варежки, дитя? Нельзя выходить из дома без варежек в такой мороз!

– Я отдал их Уильяму Джонсу – у него не было своих, – с запинкой проговорил Берти. Он не знал, что эта леди может счесть отсутствие варежек тяжким преступлением.

– Нет варежек! – растерянно воскликнула Эми. – У меня целых три пары. А кто такой Уильям Джон?

– Мой кузен, – объяснил Берти. – Он ужасно болезненный. Он хотел выйти поиграть сегодня, но у него нет варежек, так что я отдал ему свои. Я не замёрз... почти.

– Как вы отмечали Рождество?

– Мы не отмечали.

– Как, совсем? – потрясённо переспросила Эми. – Тогда, наверное, вы хорошо повеселитесь в Новый год.

Берти покачал головой.

– Нет, мэм, не думаю. Для нас все дни одинаковые.

Эми замолчала в неподдельном удивлении. Но Эдит всё поняла и сменила тему:

– У тебя есть братья или сёстры, Берти?

– Нет, мэм, – радостно отозвался Берти. – Нас и так многовато. Мне пора идти. Я вам очень признателен.

Пока он говорил, Эдит выскользнула из комнаты и догнала его у двери. Она протянула Берти пару тёплых на вид варежек.

– Для Уильяма Джона, – просто объяснила она, – чтобы ты мог носить свои. Мне они велики. Я знаю, папа не будет против. До свидания, Берти.

– До свидания... и спасибо, – запинаясь, проговорил Берти перед тем, как закрылась дверь. Он поспешил домой к Уильяму Джонсу.

В тот вечер после ужина доктор Форбс заметил особенно сосредоточенное выражение на лице Эдит, глядящей на всполохи пламени в камине. Он положил ладонь на её темные локоны и поинтересовался:

– О чём задумалась?

– К нам сегодня заходил мальчик... – начала Эдит.

– Ой, такой хороший мальчик! – тут же подхватила Эми из угла, где играла с котёнком. – Его зовут Берти Росс. Он принёс посылки, и мы пригласили его погреться. У него не было варежек, и он почти отморозил руки. И, папочка, только представь – он никогда не отмечал Рождество и Новый год!

– Бедолага! – покачал головой доктор. – Я слышал о нём. Думаю, ему приходится нелегко.

– Он был таким милым, папа. И Эди отдала ему синие варежки для Уильяма Джона.

– Сюжет становится всё запутаннее. Кто такой Уильям Джон?

– Его кузен, кажется, – он ведь так сказал, Эди? В общем, этот кузен болен, но ему хотелось покататься с горки, и Берти отдал ему свои варежки. Думаю, Уильям тоже никогда не отмечал Рождество.

– И сколько ещё таких людей, – вздохнул доктор, собирая бумаги. – Что ж, девчушки, раз уж вы так заинтересовались этим мальчуганом, можете пригласить его с кузеном на новогодний ужин.

– Ах, папочка! – с сияющими, подобно звёздам, глазами воскликнула Эдит.

Доктор рассмеялся.

– Напишите ему вежливое приглашение – вы же хозяйки дома, – а я позабочусь о том, чтобы его доставили Берти.

Вот так и случилось, что на следующий день Берти Росс получил своё первое в жизни приглашение на ужин. Он трижды перечитал небольшую записку, чтобы убедиться в её достоверности, и оставшийся день провёл в глубоких раздумьях, точно пытаясь разрешить немалую проблему. Домой он вернулся всё с тем же выражением лица. Его тётка помешивала на плите овсяную кашу.

– Это ты, Берт? – резко спросила она. Это был её обычный тон в разговорах с ним, даже если она не намеревалась его отчитывать.

– Да, мэм, – покорно отозвался Берти, вешая шапку.

– Тебе осталось работать там ещё день, так? – спросила миссис Росс. – Сэмпсон ничего не говорил о том, что оставит тебя подольше?

– Нет. Он сказал, что не может – я спрашивал.

– Так и думала. Что ж, тогда в Новый год у тебя в любом случае выходной. Будет ли тебе что поесть – уже другой вопрос.

– Меня пригласили на ужин, – робко сознался Берти, – меня и Уильяма Джона. К девочкам доктора Форбса – тем, что подарили варезки.

Он протянул ей записку, и миссис Росс, наклонившись, стала читать в неровном свете потрескавшейся печи.

– Пожалуйста, иди на здоровье, – проговорила она, возвращая записку, – но Уильям Джон не пойдёт, принеси ты хоть десять приглашений. Он простудился после вчерашних катаний. А я ведь ему говорила! Но нет, надо было пойти, зато теперь проваляется в постели всю неделю. Послушай только, как он кашляет.

– Тогда я тоже не пойду, – вздохнул Берти то ли от облегчения, то ли от разочарования. – Я не пойду к ним один.

– Вот дурак! – всплеснула руками тётя. – Не съедят же они тебя. Ну, как знаешь. Только придержи язык, а не то Уильям Джон будет биться в истерике, чтобы я пустила и его тоже.

Но с этим предупреждением тётя опоздала. Уильям Джон подслушал их разговор и, когда мать зашла натереть его грудь мазью, он рыдал, съёжившись под одеялом.

– Вылезай, Уильям Джон, мне нужно натереть тебя мазью.

– Я не хочу... уходи, – всхлипнул Уильям Джон. – Я всё слышал, даже не сомневайся. Берти пойдёт на ужин к доктору Форбсу, а я не смогу.

– Тебе некого в этом винить, кроме самого себя, – отрезала мать. – Если бы ты не настоял на горках вчера, когда я велела тебе остаться дома, то смог бы пойти к доктору Форбсу. Непослушные мальчики всегда получают по заслугам. Ну же, прекрати плакать. Думаю, если Берти пойдёт, они пришлют тебе конфет или ещё чего-нибудь.

Но Уильям Джон не желал успокаиваться. В ту ночь он засыпал в слезах, а наутро, когда Берти пришёл проведать его, мальчик сидел в кровати с красными опухшими глазами, подтянув к измождённому лицу потрёпанное лоскутное одеяло.

– Как ты, Уильям Джон?

– Так же, – скорбно отозвался кузен. – А ты, наверное, завтра повеселишься как следует?

– О, я не пойду, раз тебе нельзя, – ободряюще отозвался Берти. Он надеялся тем самым успокоить Уильяма Джона, но добился ровно противоположного. Уильям Джон плакал до тех пор, пока у него не кончились слёзы, и даже потом всё равно продолжал всхлипывать.

– Вот как! – воскликнул он в бесслёзном отчаянии. – Я так и знал. Я надеялся, что раз я не могу пойти, ты сходишь и расскажешь мне. А ты подстроил такую подлость!

– Прекрати, Уильям Джон, не надо так говорить. Я думал, что порадую тебя, если останусь дома, но я пойду к ним, если ты так хочешь.

– Правда?

– Да, правда. Я пойду куда угодно, если тебе станет от этого легче. А сейчас мне пора на работу. До встречи.

Приняв это решение, Берти собрал всю волю в кулак и вышел. И уже на следующий вечер он в сумерках стоял перед дверью доктора Форбса с отчаянно колотящимся сердцем. Он приделал в свой лучший, но поношенный костюм и расправил аккуратный белый воротник. Кудри обрамляли его покрасневшее на морозе лицо.

Кэролайн открыла дверь и провела его в гостиную, где его уже ждали Эдит и Эми.

– С Новым годом, Берти! – закричала Эми. – И... а где же Уильям Джон?

– Он не смог прийти, – с тревогой объяснил Берти, боясь, что без Уильяма Джона ему откажут в гостеприимстве. – Он сильно заболел. Простудился и теперь лежит в постели. Но он страшно хотел прийти.

– Боже мой! Бедный Уильям Джон! – разочарованно проговорила Эми. Но дальнейшие её слова прервало появление доктора Форбса.

– Здравствуй, – улыбнулся он, от всего сердца пожимая Берти руку. – Но где же второй гость, которого так ждали мои девочки?

Берти терпеливо повторил причины отсутствия Уильяма Джона.

– Сейчас легко подхватить простуду, – подтвердил доктор, садясь, чтобы развести огонь. – А ты, наверное, быстро бегал в последнее время, раз простуда тебя не догнала, а? Слышал, тебе придётся уйти от Сэмпсона. Он говорил мне, что после праздников ему больше не нужен помощник. Что будешь делать? Есть что-нибудь на примете?

Берти печально покачал головой:

– Нет, сэр. Но я найду что-нибудь, если как следует возьмусь за поиски, – добавил он повеселевшим голосом. – У меня почти всегда получается.

От его стеснительности не осталось и следа: лицо просветлело от надежды, и он поднял на доктора яркие, честные глаза. Доктор с глубокомысленным видом энергично ворошил угли. Девочки потянули Берти смотреть подарки, которые они для него приготовили. Среди них оказалась меховая шапка и пара варежек! Ему захотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон.

– А вот книжка с картинками для Уильяма Джона, – объявила Эми, – и на кухне стоят его санки. О, звонят к ужину! Я ужасно голодная. Папа говорит, это моё нормальное физиологическое состояние, но я не знаю, что это значит.

Что же касается ужина... что ж, Берти доводилось видеть подобные пиршества во снах – но не более. Ужин удался на славу.

Когда дошёл черёд до сливового пудинга, доктор, сегодня особенно молчаливый, откинулся на стуле, сцепил руки и внимательно посмотрел на Берти.

– Так мистер Сэмпсон не может тебя оставить?

Лицо Берти вмиг посерьёзнело. Он почти забыл о своих заботах.

– Нет, сэр. Он говорит, что я слишком маленький для тяжёлой работы.

– Что правда, то правда – но ты, вне всяких сомнений, вырастешь. У мальчиков есть странная привычка это делать. Мне кажется, человек ты толковый. Мне нужен мальчик, который сможет бегать по поручениям и ухаживать за лошадью. Если ты захочешь, я найму тебя на некоторое время. Ты можешь жить здесь и ходить в школу. Во время моих обходов я иногда слышу о местах для мальчиков, и как только найду хорошее, то договорюсь, чтобы его оставили за тобой. Как тебе такое предложение?

– Ах, сэр, вы слишком добры, – дрожащим голосом проговорил Берти.

– Тогда договорились, – добродушно рассмеялся доктор. – Тогда приходи в понедельник. Может, мы что-нибудь придумаем и для второго мальчугана – Уильяма или Джона, или как там его зовут. Ещё пудинга, Берти?

– Нет, благодарю вас, – отказался Берти. Пудинг! Он не смог бы больше проглотить ни крошки после такой невероятной и неожиданной удачи.

После ужина дети играли, кололи орехи и поджаривали над огнём яблоки, пока не пробило девять. Берти стал прощаться.

– Уходишь? – спросил доктор, посмотрев поверх газеты. – Что ж, я жду тебя в понедельник, не забудь.

– Да, сэр, – кивнул счастливый Берти. Такое не забывают.

Когда он собирался выходить, к нему по коридору подошла Эми, везя за собой санки.

– Подарок для Уильяма Джона. Я привязала к ним остальные подарки, чтобы они не выпали по дороге.

Эдит стояла на пороге со свёртком.

– Здесь орехи и сладости для Уильяма Джона, – сказала она. – И передай, что мы желаем ему счастливого Нового года!

– Спасибо, – поблагодарил Берти. – Я здорово повеселился! Теперь мне точно есть что рассказать Уильяму Джону. Спокойной ночи.

Он вышел. Стоял невиданно крепкий мороз. Снег под ногами скрипел и потрескивал, звёзды ярко и пронзительно сверкали, но для Берти, спешащего по улице с санками Уильяма Джона, радостно подпрыгивающими за его спиной, весь мир сиял надеждами и светлыми обещаниями. Он был уверен, что никогда не забудет этого чудесного Нового года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.